

**ЧЕРВЯКОВ
НИКОЛАЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**

Аспирант философского
факультета Московского
государственного
университета
им. М. В. Ломоносова.
Старший научный сотрудник
Библиотеки-музея «Дом
А. Ф. Лосева».
Преподаватель Московского
техникума креативных
индустрий им. Л. Б. Красина.
Москва, Россия.

E-mail: chervyakovna@my.msu.ru

УДК 111

**ПРЕДПОСЫЛКИ ОНТОЛОГИИ В
РАННИХ ТЕКСТАХ М. М. БАХТИНА**

Аннотация. В статье рассматриваются ранние, не «девятероканонические», тексты Михаила Бахтина (в первую очередь «К философии поступка»), а также исторический, интеллектуальный и философский контексты их создания через призму биографии автора. На основе анализа этих работ совершается попытка выявить и зафиксировать предпосылки формирования онтологических идей Бахтина. Выявленные предпосылки предлагается разделять на два уровня: первый уровень составляют явные, наличествующие в самих текстах философа предпосылки (они могут быть названы концептами); второй уровень составляют имплицитные предпосылки, дающие возможность концептам осуществиться (они могут быть названы условиями). Это выявление происходит за счет необходимого различения и разграничения антропологических и онтологических суждений Бахтина, осуществляемых за счет привлечения историографического материала. Также в статье используется критический метод по отношению к «ядру» философской мысли Бахтина (событие бытия), позволяющий эксплицировать некоторые неявные онтологические предпосылки архитектоники события бытия. Таким образом, в работе представлен анализ ранних текстов русского мыслителя, помогающий выявить глубинную конфигурацию главных концептуальных элементов и условий их осуществления.

Ключевые слова: М. М. Бахтин, онтология, бытие, Другой, Я, вневременность, автор, герой, не-алиби, язык, оппозиция, априорность, человек.

Nikolai A. Cherviakov

Moscow State University named M. V. Lomonosov

E-mail: chervyakovna@my.msu.ru

THE PREMISES OF ONTOLOGY IN M.M. BAKHTIN'S EARLY TEXTS

Abstract. The article investigates the early but not “deuterocanonical” texts of M. Bakhtin (mainly “Toward a Philosophy of the Act”) and also historical, intellectual, and philosophical contexts of their creation through the prism of the author’s biography. On the basis of the analysis of these works, an attempt is made to identify and fix the premises that form Bakhtin’s ontological ideas. These identified premises can be divided into two levels: the first level comprises explicit premises presented directly in the philosopher’s texts (which we may call concepts); the second level includes implicit premises enabling the realization of these concepts (which we may term conditions). This investigation can be carried out due to the necessary differentiation between anthropological and ontological statements of M. Bakhtin. In the article the author uses the critical method to investigate the core of M. Bakhtin’s philosophical thought (the co-being of the being), which gives the opportunity to explain some implicit ontological premises of the architectonics of the co-being. Thus, in the article, the analysis of early texts of the Russian thinker is given, which helps to figure out the deep configuration of the main conceptual elements and the conditions of their realization.

Keywords: M. M. Bakhtin, ontology, being, Other, Myself, *vnenakhodimost'*, author, hero, non-alibi, language, opposition, *a priori*, human being.

DOI: 10.47850/2410-0935-2025-20-184-195

© Н. А. Червяков 2025

Предварительные замечания

Михаил Бахтин гармоничным образом следует в своем творчестве и западноевропейской философской традиции (в частности, его идеи отчетливо коррелируют с неокантианством), и общим тенденциям русского религиозно-философского ренессанса (Вяч. Иванов, символизм, П. А. Флоренский и др.). В беседах с В. Д. Дувакиным Бахтин говорит об основателе неокантианства Германе Когене: «Это был замечательный философ, который на меня оказал огромное влияние, огромное влияние, огромное» [Беседы 2002: 40], а о Вячеславе Иванове так: «Самым авторитетным для меня поэтом... и не только поэтом, но и мыслителем, и ученым был Вячеслав Иванов, Вячеслав Иванов все-таки. И до сих пор я его люблю» [Беседы 2002: 120]. Учитывая возникшую в России 1900–1920-х гг. ситуацию всеобщего всплеска и активизации философии, литературы, искусства, межкультурных связей, это выглядит закономерным. Как пишут С. С. Конкин и Л. С. Конкина, авторы монографии о Бахтине: «Бесспорным признается тот факт, что научно-теоретическое мировоззрение М. Бахтина формировалось в атмосфере духовного наследия многих веков, под благотворным влиянием двух мощных традиций – общеевропейской и отечественной» [Конкин, Конкина 1993: 18].

Стоит отметить, что и воспитание, и образование молодого Бахтина также способствовали вхождению его в мировой общекультурный контекст. Будучи воспитанником классической гимназии, молодой Бахтин владел латинским и древнегреческим языками. Именно в 1910-е гг. Бахтин обретает тот гуманитарный запас знаний, которому он будет обязан на протяжении всей, временами трудной и непредсказуемой, жизни. В 1913–1916 гг. он посещает лекции в Новороссийском университете на историко-филологическом факультете, в 1916–1918 гг. после переезда занимается в Петроградском университете на отделении классической филологии, где его учителями были Ф. Ф. Зелинский, логик и представитель русского неокантианства А. И. Введенский, интуитивист Н. О. Лосский. Участие (вместе с братом Николаем) в литературном кружке «Омфалос», в заседаниях Религиозно-философского общества – вот что составляет интеллектуальную жизнь Бахтина в Петрограде. Огромное влияние, признаваемое многими бахтиноведами, на жизнь и творчество мыслителя, оказали неформальные собрания так называемой Невельско-Витебской школы (Л. В. Пумпянский, М. И. Каган, В. Н. Волошинов, Б. М. Зубакин и др.).

Очевидно, факты личной биографии Бахтина (большое количество друзей-интеллектуалов, непосредственные контакты со светилами науки, вроде Зелинского и Введенского, активное участие в философско-литературных кружках), сделали из Бахтина мыслителя на стыке двух традиций, которые, конечно, уже нельзя редуцировать к оппозиции славянофильство – западничество. К тому же, Бахтин и не стремился, как его предшественники в русской философии, политически, религиозно, этнически, художественно обосновывать мифы о русском народе. Интенции Бахтина первоначально находились на достаточном расстоянии и от политики, и от мистики в стиле Вяч. Иванова.

В творчестве М. Бахтина можно условно выделить период ранних текстов и обозначить в качестве демаркационной линии 1929 год – год публикации ленинградским издательством «Прибой» первой книги мыслителя (под

собственным именем) «Проблемы творчества Достоевского». Таким образом, в рамках этой статьи будут взяты во внимание следующие тексты: «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности», «Проблемы творчества Достоевского» и в качестве косвенных – ряд статей 1910–1920-х гг.¹. Сам М. Бахтин называл эти тексты своей «философской антропологией» [Бахтин 2003: 351]. И поэтому главной чертой раннего творчества Бахтина является принципиальный поворот к человеку [Аванесов 2017].

В этой связи стоит упомянуть и такой феномен философии XX века, как «онтологический поворот», к представителям которого, наряду с Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером, Ф. Розенцвейгом, М. Бубером, французскими экзистенциалистами, может быть закономерно причислен и М. Бахтин. Недаром американско-бельгийский философ Поль де Ман ставит Бахтина в один ряд с Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером и Э. Левинасом [де Ман 2010: 197]. Чтобы такое причисление не носило выдуманный постпозитивный характер, стоит отметить, что элементы биографии мыслителя способствовали его вхождению в разные философские контексты, что было отмечено выше.

Описывая ранние тексты Бахтина, исследователь Н. Николаев характеризует их следующим образом: «Именно ранние работы, несмотря на их оригинальность, разрывы с прошлым и размежевания с настоящим, являются результатом органичного развития идей русской и европейской философии» [Николаев 1996: 101]. Так, например, вхождению молодого Бахтина в кантианский контекст европейской интеллектуальной мысли способствовало общение с учеником Г. Когена и П. Наторпа М. И. Каганом. О дружественных и доброжелательных отношениях между ними свидетельствуют многочисленные письма из архива Кагана [Каган 2004: 631–638]. Вхождению в контекст русской религиозно-символистской философии могли способствовать встречи Бахтина с Вячеславом Ивановым, сначала в Петрограде, затем в Москве, когда последний находился в здравнице. По времени встречи в здравнице почти совпадают с ведением Ивановым знаменитой переписки с М. О. Гершензоном, что впоследствии облеклось в форму «Переписки из двух углов»², одного из главных текстов русской философии культуры.

Однако в ранних текстах у Бахтина складывается также особый контекст. Его можно охарактеризовать либо как синтез двух предыдущих контекстов, либо как специфическую направленность на личное восприятие человеческой природы, как поворот к человеку. В пользу этого говорит раннее, почти с детства, знакомство с философией Ф. Ницше, С. Кьеркегора, с произведениями Ф. М. Достоевского. Однако направленность философии Бахтина на человеческий мир (можно назвать это гуманизмом в широком смысле, вспоминая любовь братьев Бахтиных к античности) лишена трагизма. Так, Н. Бонецкая отмечает: «...Примечательно, что творчество Бахтина, несмотря на свое тяготе-

¹ В статье не будут рассматриваться «девятнадцатые» (термин С. С. Аверинцева) тексты 1920-х гг., то есть работы «Марксизм и философия языка» (1928–1929), «Фрейдизм» (1927), «Слово в жизни и слово в поэзии» (1926) и др., значащиеся под именем В. Н. Волошинова, «Формальный метод в литературоведении» П. Н. Медведева, «Современный витализм» (1926) И. И. Канаева. Однако следует заметить, что тематика этих работ по большей части не соответствует тематике данной статьи.

² Эта переписка велась с 17 июня по 19 июля 1920 года. Когда Бахтин и Волошинов посещали Иванова, Гершензон уже покинул здравницу. См. [Беседы 2002: 332].

ние – по некоторым первичным интуициям – к экзистенциализму, совершенно лишено трагического пафоса» [Бонецкая 2016: 138].

Это наталкивает на мысль о том, что можно попробовать сменить оптику, попытаться взглянуть на «антропологические» тексты Бахтина по-другому, но не выходить за пределы «онтологического поворота» при этой смене. Конкретнее говоря, можно попробовать найти предпосылки тех положений, что проговариваются в ранних текстах и характеризуются как антропологические. Используя терминологию М. Хайдеггера, можно попытаться совершить деструкцию этих суждений и их конфигурации, найдя предпосылки возможного формирования онтологии у Бахтина. Возможного, поскольку текстов с именно онтологической проблематикой у Бахтина, не обнаружено (и вряд ли они обнаружатся в будущем), учитывая, конечно, что ранние тексты, несмотря на их отнесение к философским областям этики и эстетики, являются в большей степени онтологическими. Это осуществимо, если совершится попытка понять, обосновать, «открыть» ключевые концептуальные элементы с уклоном в онтологию.

Важным является не отнесение онтологии Бахтина по ее явному содержанию к той или иной философской традиции, будь то феноменология, философия диалога, экзистенциализм, неокантианство или религиозная философия русского Серебряного века. Важным представляется выявление и фиксирование предпосылок формирования этой онтологии, без отнесения ее к какой-либо традиции, поскольку данная работа осуществлена в богатой библиографии о Бахтине. (Хотя, безусловно, отрывать онтологию Бахтина от истории было бы анти-бахтинским жестом, поэтому здесь необходима аккуратность). Поскольку гуманитарное воспитание и образование Бахтина были блестящими, стоит говорить о всестороннем знакомстве с мировыми интеллектуальными традициями. Это вылилось в его текстах в наличие контрапункта – многих смысловых и контекстовых «пятен», в их сочетании. В. В. Библихин по этому поводу пишет: «Его явная и неявная зависимость от бергсоновского интуитивизма и от его критики у Николая Онуфриевича Лосского, от гуссерлевской феноменологии, от риккертской философии ценностей, от персонализма Франца Розенцвейга, от бердяевского творческого акта, остывающего в продуктах культуры, замеченная единонаправленность с тем, что делал Хайдеггер (<...>), – эти поводы для сопоставительного исследования не должны заслонять то более важное обстоятельство, что мысль Бахтина отвечает за себя» [Библихин 2010: 67]. Однако многим исследователям биография Бахтина дает нужные им релевантные и аутентичные свидетельства, позволяющие подвести творчество мыслителя под одну философскую парадигму («монологизировать» его). На стыке литературоведения, философии, лингвистики, культурологии это рождает споры о маркировании Бахтина как литературоведа, философа, лингвиста, культуролога соответственно. И в этих условиях актуальность проведения работы по «высвобождению» текстов от наслоений интерпретаций возрастает. Поэтому в задачи статьи входит автономное рассмотрение онтологической проблематики у Бахтина.

Попытка реконструировать онтологию Бахтина не может считаться удачной, если будет игнорироваться антропологический момент в ранних текстах, поскольку антропология очевидным образом центрирует тексты, а онтологи-

ческая проблематика (по крайней мере, в ее нехайдеггеровском понимании, поскольку схожесть с ранней философией немецкого мыслителя становилась предметом философского анализа) уходит на периферию. Попытка выявления предпосылок онтологии Бахтина должна иметь в качестве основы два конституирующих момента. Во-первых, это принципиальное следование самой бахтинской мысли в том виде, в каком она разворачивается и является читателю в текстах, и в той степени, насколько она онтологична. Во-вторых, это пограничное прохождение и рассмотрение, можно даже сказать, применение кантовского критического метода к содержанию этой мысли, что должно выявить формальные основы возможного построения онтологии, то есть предпосылки к ее формированию. Под критическим методом понимается формальное вычленение в своей предельности условий существования события бытия в его содержательности. Таким образом, этот метод не покидает рамок онтологического дискурса и не входит в проблематику формализма и структурализма, поскольку он выявляет не структуру текста, а условия существования той архитектоники события, которая проводится Бахтиным и благодаря которой выявляемые условия становятся предпосылками. Применение критического метода отличает также и воззрения самого Бахтина при описании им архитектоники единого и единственного события бытия.

Так, например, при сопоставлении творческих путей М. Бахтина и А. Мейера С. Г. Бочаров имплицитно схватывает этот момент наличия кантовского пафоса у Бахтина: «...и драматическое действо, совершающееся в более плотной человеческой среде, посюсторонняя онтология с декларативным отказом от метафизики, но теологически подсвеченная с открывающимися метафизическими просветами...» [Бочаров 1999: 491]. Однако это не говорит о монологичности самой архитектоники события бытия, что отмечает Л. Гоготишвили в преамбуле к тексту «К философии поступка», характеризуя бахтинский метод:

«Схематически говоря, М. М. Бахтин осуществляет здесь (в тексте трактата – Н. Ч.) целенаправленную контаминацию, то есть, скрещая гуссерлианскую и неокантианскую терминологию, стягивает феноменологически созерцаемую данность с неокантианской заданностью (не непосредственно, по определению, созерцаемой, а порождаемой в процессе мышления), изменяя тем самым как то, так и другое, и дополняя полученное категориями философии ценностей (третья конститутивная составляющая бахтинского метода)» [Бахтин 2003: 397].

Эти строки отчетливо характеризуют основную направленность бахтинской мысли на создание нравственной философии и нравственного субъекта путем преодоления противопоставляемых им трансцендентальной философии и трансцендентального субъекта у И. Канта. Проще говоря, из факта того, что Бахтин использует неокантианский метод (в той степени, насколько он совершенствует чисто кантианский) или идет феноменологическим путем вслед за Э. Гуссерлем («Отсюда ясно, что первая философия, пытающаяся вскрыть бытие-событие, как его знает ответственный поступок, <...>, не может строить общих понятий, положений и законов об этом мире (теоретически-абстрактная чистота поступка), но может быть только описанием, феноменологией

этого мира поступка» [Бахтин 2003: 31]]³, еще не следует, что он сам является сторонником неокантианской или феноменологической онтологии.

Использование критического метода при поиске предпосылок онтологии не является операцией по «монологизированию» Бахтина, что является особенностью некоторых исследований, поскольку этот метод предполагает саму возможность того, о чем пишет Бахтин, формальные пределы осуществления события бытия.

Таким образом, в соответствии с двумя конституирующими моментами проводимой деструкции, будут рассмотрены и выявлены предпосылки двух уровней. Первый уровень – это предпосылки, наличествующие в тексте благодаря непосредственному и явному авторскому слову-указанию и выступающие в качестве связующих концептуальных элементов (например, «внезаходимость»). Чаще всего, именно эти предпосылки и рассматриваются в литературе о Бахтине. Однако такое исключительно непосредственное рассмотрение содержания бахтинской архитектоники дает поводы, во-первых, для постоянных неопределенностей и, во-вторых, для сведения учения Бахтина к одной-единственной позиции. Второй уровень – это предпосылки, выявленные путем осуществления критического метода по отношению к событию бытия. Эти предпосылки, хочется надеяться, дают более глубокое понимание и истолкование архитектоники события бытия.

Предпосылки онтологии

Стоит сказать, что ранние тексты Бахтина можно иерархически выстроить в соответствии с их онтологической насыщенностью. «К философии поступка» – главный текст с точки зрения онтологического материала, который из него можно извлечь. В «Авторе и герое» рассматривается исключительно эстетическое событие бытия и принципы его осуществления. В «Проблемах творчества Достоевского» содержание «Автора и героя» конкретизируется, порождая концепты диалога и романной полифонии. Начать стоит с рассмотрения предпосылок в первом крупном, но, безусловно, отрывочном и незавершенном, тексте, чье заглавие – «К философии поступка» – было дано при первой публикации С. Г. Бочаровым.

Все сплетение предпосылок непосредственного уровня сосредоточено в конце Введения, интегрирующем критику рассмотренных до этого позиций в современной философии с открытым и явным изложением онтологических интенций автором. Для того, чтобы показать всю сосредоточенность предпосылок в тексте, нужно привести достаточно пространную цитату:

«Но эти конкретно-индивидуальные, неповторимые миры действительно поступающих сознаний, из которых, как из действительно реальных слагаемых, слагается и единое-единственное бытие-событие, имеют общие моменты, не в смысле общих понятий, или законов, а в смысле общих моментов их архитектоник. Эту архитектонику действительного мира поступка и должна описать нравственная философия, не отвлеченную схему, а конкретный план мира единого и единственного поступка, основные конкретные моменты

³ В данном случае артикулированный Бахтиным в тексте «К философии поступка» феноменологический метод есть лишь момент общего трансцендентального метода.

его построения и их взаимное расположение. Эти моменты: я-для-себя, другой-для-меня и я-для-другого» [Бахтин 2003: 49].

В этом отрывке Бахтиным акцентируется внимание на поступке как событии, то есть, в первую очередь, как на факте антропологическом. Однако Бахтин уточняет: «Все пространственно-временные и содержательно-смысловые ценности и отношения стягиваются к этим эмоционально-волевым центральным моментам: я, другой и я для другого» [Бахтин 2003: 49–50].

Здесь очевидным образом выделяются главные концептуальные элементы онтологии («моменты архитектоники») Бахтина. И далее в тексте он радикализирует эту позицию:

«Высший архитектурный принцип действительного мира поступка есть конкретное, архитектурно-значимое противопоставление я и другого. Два принципиально различных, но соотносительных между собой ценностных центра знает жизнь: себя и другого, и вокруг этих центров распределяются и размещаются все конкретные моменты бытия» [Бахтин 2003: 67].

Такая смысловая заостренность внимания мыслителя на противопоставлении Я и Другого позволяет некоторым исследователям (например, [Гуревич 1992]) считать категорию Другого центральной для всей бахтинской мысли.

Другой явной предпосылкой онтологии Бахтина, вытекающей из предыдущей, можно считать вневходимость – одного сознания/одной личности по отношению к другому сознанию/другой личности, Другого по отношению к Я, читателя и автора по отношению к смыслу сотворенного произведения и герою. Категория вневходимости в тексте «К философии поступка» становится автономной при анализе художественного произведения (стихотворения А. С. Пушкина «Разлука») с целью вскрытия различия архитектурных автора и героев. Анализируя стихотворение, Бахтин проводит особенно четкое различие архитектурных и между двумя героями «пьесы». Однако главный посыл анализа состоит в абсолютном несхождении путей оформителя (автора, читателя) и героя, в невозможности соединения контекстов их существования, в факте нахождения оформителя абсолютно вне контекста героев (вне их «окружения»). В «Авторе и герое» Бахтин, определяя эстетически значимую роль автора по отношению к герою, пишет, что она состоит из «отношения напряженной вневходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вневходимости, позволяющей собрать всего героя...» [Бахтин 2003: 96]. Именно благодаря наличию абсолютно вневходимых автора и читателя у художественного произведения, можно говорить об эстетическом видении и об особой архитектонике эстетического видения, но эта архитектоника вторична для общей архитектуры бытия-события и должна быть последней приобщена: «Эстетическая деятельность есть специальная, объективирующая причастность, изнутри эстетической архитектуры нет выхода в мир поступающего, он лежит вне поля объективированного эстетического видения» [Бахтин 2003: 66].

Меж тем, философ не понимает эстетическое видение как нечто бессмысленное или ненормальное. Область эстетического, во-первых, здесь соотносится с овеществленным целым произведения. Во-вторых, критика «эстетизации» жизни не есть критика самого эстетического видения. В-третьих, эстетическая архитектоника выступает в качестве некоторого идеального примера

внеаходимости автора по отношению к герою, что в тексте «Автора и героя в эстетической деятельности» было четко показано автором. По этому же поводу Л. А. Гоготишвили замечает: «...эстетическое событие, не будучи прямым аналогом события бытия, несет в себе все же, согласно Бахтину, существенные (и удобные для конкретного анализа) черты сходства с ним» [Гоготишвили 1992: 121].

Рассмотрение архитектурных авторства и героя Бахтин использует для предотвращения нападок о всеобъемлющем субъективизме его концепции. Это совершается с учетом воплощенной пространственной и временной внеаходимости, но с добавлением смысловой и ценностной внеаходимости, за счет чего эстетическое событие есть словно бы идеальный, но достижимый в художественной форме, тип события.

Важным моментом, связанным с авторской внеаходимостью, является избыток авторского видения. По существу, избыток видения – это следствие из абсолютной внеаходимости автора по отношению к герою. В «Автора и героя» Бахтин, характеризуя эту категорию, пишет: «...в этом всегда определенном и устойчивом избытке видения и знания автора по отношению к каждому герою и находятся все моменты завершения целого – как героев, так и совместного события их жизни, то есть целого произведения» [Бахтин 2003: 95].

Еще одной предпосылкой первого уровня может быть названо не-алиби в бытии. Эта предпосылка важна для онтологии Бахтина в связи с имманентной телеологией текста – с целью создания и обоснования нравственной философии. Именно эта категория дает возможность понять суть вводимых Бахтиным понятий ответственности (как ответа, что отмечает С. С. Аверинцев) и должностования, поскольку эти понятия не выводимы из материальной и формальной этики, в силу своей онтологической природы. По этому поводу, сближая событие бытия Бахтина с *Dasein* М. Хайдеггера, В. В. Библихин пишет: «У должностования в конструкции Бахтина не этическая, а бытийная природа. Оно и не рационально, и не иррационально; оно раньше всякого порядка и раньше любого бунта против порядка» [Библихин 2010: 69]. Выводимое из внеаходимости не-алиби в бытии, включая единственность места в пространстве и времени, как об этом пишет Бахтин, открывает находящегося в единственном месте «правду данного обстояния», фактически отождествляя место с античным локусом. В. В. Библихин связывает этот момент в тексте Бахтина со свободой личности и ответственностью: «Дар свободы есть вместе с тем высшая ответственность, не потому что за свободу надо отвечать, а потому что сохранить свободу можно только отвечая ей» [Библихин 2010: 70].

Стоит сказать пару слов и о языке, который в большой степени выступает как инструмент приоткрывания истины события бытия. Словами самого Бахтина: «Я полагаю, что язык гораздо более приспособлен высказывать именно ее [«правду события» – Н. Ч.], а не отвлеченный логический момент в его чистоте» [Бахтин 2003: 31]. Выделяя три основных составляющих слова (содержательно-смысловая, наглядно-выразительная, эмоционально-волевая стороны), философ особенно выделяет эмоционально-волевою, интонирующую сторону слова:

«Эмоционально-волевой тон – неотъемлемый момент поступка, даже самой абстрактной мысли, поскольку я ее действительно мыслю, то есть по-

сколько она действительно осуществляется в бытии, приобщается к событию» [Бахтин 2003: 32].

Язык, таким образом, неотрывно связан с поступком и через поступок проявляется, словно бы являясь постоянно сопутствующей событию бытия тенью, а может быть, и увеличительным стеклом.

К предпосылкам второго уровня, рассматривая тексты «К философии поступка» и «Автор и герой в эстетической деятельности», можно отнести *оппозицию* – как главный принцип онтологических построений у Бахтина. У Бахтина всегда высвечивается момент либо первичности одной категории по отношению к другой (включающая в себя и возможное приобщение), то есть *асимметричная оппозиция*, либо не предполагающая особого концептуального разделения, поскольку оно уже исторически сложилось («традиционные понятийные оппозиции»). К. Фридрих называет одну из главных оппозиций у Бахтина – между Я и Другим: «Но главное заключается в том, что оба способа видения (со стороны Я и со стороны Другого – Н. Ч.) остаются неразрешимо несопоставимыми. Не существует места, где они могли бы встретиться, они могут только бесконечно меняться местами. Итак, внимание Бахтина к понятию видения постоянно репродуцирует оппозицию “Я” и “Другого”» [Фридрих 1998: 57]. В тексте «К философии поступка» присутствуют постоянные оппозиции: 1) данности и заданности («Все действительно переживаемое переживается как данность-заданность...» [Бахтин 2003: 32]); Л. А. Гоготишвили определяет эту оппозицию следующим образом: «соотносимые только с Я ценности заданного – соотносимые только с другим ценности данного» [Бахтин 2003: 368]; 2) мира культуры и мира жизни, отношение между которыми Л. А. Гоготишвили реконструирует как «пропасть между “я-для-себя” и “я-для-другого” [Гоготишвили 1992: 121]; 3) Я и Другого; 4) бытия и долженствования («я есмь действительный, незаменимый и потому должен осуществить свою единственность...» [Бахтин 2003: 40]), что зачастую сводимо к оппозиции 5) бытия и ценности; 6) пассивности и активности; 7) приобщенности и отвлеченности.

В ранних текстах также выявляется предпосылка *априорности*, причем она распространяется и на онтологический, и на аксиологический контексты. Априорность здесь понимается феноменологически, то есть как сущностное схватывание, улавливание. В частности, Другой в архитектонике события бытия выступает априорно. Для его сущностного схватывания Я не должно проводить никакой аналитической работы. Даже в «Проблемах творчества Достоевского» можно увидеть эти мотивы, поскольку это отчетливо высвечивается и подтверждается Бахтиным при описании ситуации диалога «человека с человеком»:

«Исключительно острое ощущение другого человека как *другого* и своего я как *голового я* предполагает, что все те определения, которые облекают я и *другого* в социально-конкретную плотность, – семейные, сословные, классовые – и все разновидности этих определений утратили свою авторитетность и свою формообразующую силу. Человек как бы непосредственно ощущает себя в мире как *целом*, без всяких промежуточных инстанций, помимо всякого социального коллектива, которому он принадлежал бы. И общение это-

го я с другим и с другими происходит прямо на почве последних вопросов, минуя все промежуточные, ближайшие формы» [Бахтин 2000: 173–174].

Даже автор, создавая героя, априорно его улавливает, после чего дальнейшее созидание героя не имеет смысла, поскольку герой начинает обладать самостоятельностью (и самостоятельным сознанием).

Также можно говорить и об априорности ценности Другого и Я. Здесь заметно влияние работы М. Шелера 1916-го года «Формализм в этике и материальная этика ценностей», в которой он проговаривает принцип априорности ценности и строит новую материальную этику. Антропологический пафос ответственности в текстах Бахтина – это не только положительный намек на многоголосие и диалогизм, но также следствие априорности ценности Другого и Я. Концепция *персоналистического дуализма* Л. А. Гоготишвили, объясняющая нравственную реальность у Бахтина, может иметь своим обоснованием априорность ценностей Я и Другого. Причем смещение в сторону одного или другого порождает критикуемые Бахтиным общие философские концепции (идеализм и материализм в широком смысле) [Гоготишвили 1992: 118–119].

Безусловно, оппозиции и априорность не являются единственными возможными условиями раскрытия концептов Бахтина. Скорее, они дают повод задуматься о концептуальном и онтологическом различении категорий в его философии. Однако, как представляется, нет сомнений, что оппозиции и априорность именно присутствуют в «едином и единственном событии бытия», а не только концептуально схватывают условия его возможности. Предложенный в статье обзор предпосылок (понимаемых как концептов и как условий их реализации) онтологии Бахтина не может претендовать на законченность, он лишь заявляет о стремлении к некоторому ответу.

Литература

- Аванесов 2017 – Аванесов С. С. К вопросу о «человеческой» онтологии: актуальность мысли М. М. Бахтина // Человек.RU. 2017. № 12. С. 127–158.
- Бахтин 2003 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 1. М.: Изд-во Русские Словари, 2003.
- Бахтин 2000 – Бахтин М. М. Собрание сочинений. Т. 2. М.: Изд-во Русские Словари, 2000.
- Беседы 2002 – М. М. Бахтин: беседы с В.Д. Дувакиным. М.: Согласие, 2002.
- Бибихин 2010 – Бибихин В. В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: РФСОН, 2010.
- Бонецкая 2016 – Бонецкая Н. К. Бахтин глазами метафизика. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
- Бочаров 1999 – Бочаров С. Г. Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Гоготишвили 1992 – Гоготишвили Л. А. Варианты и инварианты М.М. Бахтина // Вопросы философии. 1992. № 1. С. 115–133.
- Гуревич 1992 – Гуревич П. С. Проблема Другого в философской антропологии М. М. Бахтина // М.М. Бахтин как философ. М.: Наука, 1992. С. 83–96.
- Де Ман 2010 – де Ман П. Диалог и диалогизм // Михаил Михайлович Бахтин / Под ред. В. Л. Махлина. М.: РОССПЭН, 2010. С. 191–203.
- Каган 2004 – Каган М. И. О ходе истории. М.: Языки славянской культуры, 2004.

- Конкин, Конкина 1993 – Конкин С. С., Конкина Л. С. Михаил Бахтин: Страницы жизни и творчества. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993.
- Николаев 1996 – Николаев Н. И. М. М. Бахтин в Невеле летом 1919 г. // Невельский сборник. Вып. 1. СПб.: Акрополь, 1996. С. 96-101.
- Фридрих 1998 – Фридрих К. Бахтин как философ различия // Диалог. Карнавал. Хроно-топ. Вып. 1. Витебск, 1998. С. 55–65.

References

- Avanesov 2017 – Avanesov S.S. To the Problem of “Human” Ontology: Actuality of Bakhtin’s Thought // Chelovek.RU. 2017. № 12. P. 127-158. In Russian.
- Bakhtin 2003 – Bakhtin M.M. Collected Works. Vol. 1. Moscow: Russkiye Slovarei, 2003. In Russian.
- Bakhtin 2000 – Bakhtin M.M. Collected Works. Vol. 2. Moscow: Russkiye Slovarei, 2000. In Russian.
- Bibikhin 2010 – Bibikhin V.V. The Word and the Event. The Writer and Literature. Moscow: RFSON, 2010. In Russian.
- Bonetskaya 2016 – Bonetskaya N.K. Bakhtin in the Eyes of the Metaphysician. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. In Russian.
- Bocharov 1999 – Bocharov S.G. The Subjects of Russian Literature. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 1999. In Russian.
- Conversations 2002 – M. M. Bakhtin: the Conversations with V.D. Duvakin. Moscow: Soglasie, 2002. In Russian.
- Gogotishvili 1992 – Gogotishvili L.A. Variants and Invariants of M.M. Bakhtin // Voprosy filosofii. 1992. № 1. P. 115-133. In Russian.
- Gurevich 1992 – Gurevich P.S. The Problem of the Other in M.M. Bakhtin’s philosophical anthropology // M.M. Bakhtin as a Philosopher. Moscow: Nauka, 1992. P. 83-96. In Russian.
- de Man 2010 – de Man P. Dialogue and Dialogism // Mikhail Mikhaylovich Bakhtin / ed. V.L. Makhlin. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 191-203. In Russian.
- Kagan 2004 – Kagan M.I. About the Course of History. Moscow: Yazyki russkoy kultury, 2004. In Russian.
- Konkin, Konkina 1993 – Konkin S.S., Konkina L.S. Mikhail Bakhtin: The Pages of His Life and Creation. Saransk: Mordovskoye knizhnoye izdatelstvo, 1993. In Russian.
- Nikolaev 1996 – Nikolaev N.I. M.M. Bakhtin in Nevel’ in summer 1919 // Nevel Digest. Iss. 1. Saint Petersburg: Akropol’, 1996. P. 96-101. In Russian.
- Friedrich 1998 – Friedrich K. Bakhtin as a Philosopher of Difference // Dialogue. Carnival. Chronotope. Iss. 1. Vitebsk, 1998. P. 55-65. In Russian.